

О СУДЬБАХ МУЗЕЕВ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В мирное время музеи – объекты культуры, гордость страны и населенного пункта, национальное достояние, место сохранения материальной и духовной культуры человечества.

Однако в военное время наступает кризис духовной культуры, она теряет объективность, а для материальной культуры человечества и конкретного человека из всего разнообразия определений содержимого музейных фондов и экспозиций на первый план выходит одно – «достояние», и отнюдь не духовное. Это понимали и обороняющиеся, и нападающие...

Задача данного исследования – выяснить, насколько менялись в военные годы требования общества и государства к музеям, насколько менялись сами музеи, ну и, наконец, попытаться понять, есть ли однозначный ответ: во благо музеям были войны или во вред...

Почти нет специалистов-музееведов, которые бы занимались именно этой проблемой обобщенно (за исключением, может быть, Н.В. Фатигаровой¹), хотя, разумеется, фактическая история большинства музеев, по которым прошла Вторая мировая война за период 1939–1945 гг., известна усилиями работников этих музеев и опубликована в научных статьях, прессе, разнообразных музейных изданиях². Также неоднократно в разных изданиях описывались и материальные потери Советским Союзом художественных ценностей³ в результате грабежей захватчиков. Сохранились и опубликованы воспоминания непосредственных участников событий: А.Б. Закс⁴, сотрудника ГИМа; С.И. Щеголева, сотрудника дома-музея Л.Н. Толстого в Ясной поляне; Б.Б. Пиотровского, работавшего в этот страшный период в Эрмитаже, и др.

Определимся с хронологическими и территориальными рамками. Хотя в основном речь будет идти о музеях в 1939–1945 гг., нам не кажется, что военные конфликты более раннего или более позднего периода кардинально иначе влияли на музеи. Если не считать того, что до XIX века общественных и государственных музеев почти не было, и в основном в этой роли выступали частные собрания аристократов, а до XX века не было мировых войн, поэтому далеко не все музеи и коллекции вообще подвергались какому-либо военному влиянию.

Примерно то же можно сказать и о территориальных рамках: хотя нас в первую очередь будут интересовать музеи стран Европы, наиболее пострадавших во Вторую мировую войну, выводы вполне можно будет распространить практически на все территории мира.

И все же какая-то градация, и территориальная, и хронологическая, в нашем исследовании должна быть. Например, в каком направлении влиял на музеи начальный период войны, а в каком – пост-военный период. Что требовалось от музеев, находящихся в тылу, а что – от музеев, оказавшихся на линии, а то и за линией фронта. Были ли особенности в военные годы у советских музеев, ведь хорошо известно, что в СССР у музеев, в отличие от западноевропейских стран, и в мирные годы кроме просветительской была завышенная идеологическая функция и почти никакая экономическая.

Попробуем ответить на поставленные выше вопросы по порядку. Начало Великой Отечественной войны, как известно, было не в пользу СССР: советские войска отступали почти по всем направлениям. Для музеев прифронтовых территорий это означало эвакуацию. Приказ Наркомпроса (Наркомата просвещения) РСФСР 1941 г. «О мероприятиях по сохранению и учету музейных фондов» определял её порядок, Совет по эвакуации населения, предприятий, учреждений, военных и иных грузов и ценностей из районов риска, созданный 24 июня 1941 года, занимался эвакуацией конкретно. В идеале

эвакуировать нужно было как музейные экспонаты, так и персонал (как происходило, например, с московскими музеями). Но на это нужно было время, далеко не у всех провинциальных музеев оно было в связи с быстрыми темпами отступления.

К 1941 г. Наркомпросу на территории России подчинялось 439 музеев, Комитету по делам искусств – 56, Академии наук – 18, прочим ведомствам – 123⁵. Координации по вопросу эвакуации между ними не было. Наркомпрос в начальный период войны не сразу собрал информацию о ситуации с музеями, не имел четко разработанных планов масштабной эвакуации музейных ценностей на случай возникновения угрозы их гибели или вывоза врагом. Значительная часть проектов по защите музейных сокровищ была подготовлена в середине 1930-х гг. и ориентирована на сохранение экспонатов в подземных укрытиях во время бомбёжек и обстрелов: поскольку официальная советская военная наука исходила из доктрины ведения войны на территории противника, то и перспектива оккупации агрессором советских территорий не рассматривалась. Относительно реалистичные планы вывоза художественных ценностей вглубь страны существовали лишь у некоторых музеев Ленинграда и Ленинградской области: рядом проходила государственная граница с Финляндией, недавняя «незнаменитая» война с которой стала серьёзным поводом для подготовки региональных эвакуационных планов. Неожиданное нападение гитлеровской Германии и стремительное развитие военных действий, неготовность СССР к войне не позволили союзным и республиканским властям принимать адекватные ситуации меры по эвакуации музеев в восточные районы страны. Отсутствие эвакуационных планов серьёзно осложнило решение о вывозе музейных ценностей из регионов, находившихся в опасной близости от фронта. Фронт летом-осенью 1941 г. стремительно надвигался на столицу, и таких регионов, в частности в РСФСР, становилось всё больше. Наркомпрос рекомендовал все ценности, хранившиеся в музеях, разделить на три очереди: 1-я – предметы, которые необходимо вывезти; 2-я – эвакуация вещей, если есть возможность их вывезти, 3-я – ценности, оставляемые на местах.

В условиях военных действий эвакуация культурных ценностей проводилась в спешке, без должного материального обеспечения (не хватало тары, упаковочных материалов и т. д.) и необходимых транспортных средств. Только экспонаты Оружейной палаты Кремля, Русского музея и Эрмитажа вывозились по специальным правительственным решениям.

Если не получалось вывезти, то задачей было спрятать. Однако иногда не получалось и этого: практически не удалось эвакуировать, например, большинство экспонатов музеев Ленинграда, Новгорода, Пскова, в результате новгородские и псковские музеи оказались на захваченной немцами территории.

То есть начальный период войны, по крайней мере для советских музеев, означал однозначное свертывание объемов музейной работы и потерю значительной части музейных экспонатов.

Это касалось и музеев, остававшихся в глубоком тылу, работа которых перестраивалась согласно приказу Наркомпроса РСФСР 1941 г. «О формах функционирования музеев в условиях военного времени».

В чем теряли музеи в тылу:

- в персонале. Очень многие музейные работники добровольцами либо по мобилизации уходили на фронт, что сокращало объемы и исследовательской, и экспозиционной работы.

- в зданиях. Во многих городах помещения, изначально занимаемые музеями, передавались под военные или административные учреждения, под госпитали, а музеи перевозились в другие помещения, зачастую меньшие по площади и мало приспособленные для особенностей музейной работы. Так было, например, и у нас в Куйбышеве (Самаре).

- в финансировании, что было закономерно из-за перераспределения бюджета на нужды фронта.

- в экспонатах. Ряд ценных предметов, особенно из драгоценных металлов, в годы Великой Отечественной войны передавался на нужды обороны, на переплавку или увеличение золотого запаса.

В музеях на прифронтовой территории образцы музейного оружия иногда получали вторую жизнь и использовались по основному назначению. Заметим, что такое неоднократно было и позже. В прессе, например, проходила информация, что ополченцы Донбасса летом 2014 года отремонтировали и использовали в боях танки Т-34 из местных музеев.

Но уже упоминавшийся выше приказ Наркомпроса «О формах функционирования музеев в условиях военного времени», а также ряд постановлений партийных органов, несмотря на уменьшение возможностей музеев, нацеливал их на расширение деятельности по многим направлениям.

Главным из них было идеологическое. Все учреждения культуры, в том числе музеи, были призваны развивать патриотическую работу. Проводились соответствующие выставки, мероприятия. На опыте лучших представителей военного искусства России – Суворова, Кутузова, Нахимова и других полководцев, побед российской армии в различных войнах – формировалось представление о том, что Советский Союз несомненно победит в этой войне. Именно в этот период изменилось отношение не только к Русской православной церкви, но и к царской армии: были возвращены многие дореволюционные воинские звания, погоны и другие её атрибуты.

Но не было забыто и ещё одно направление работы музеев: биологи, входящие в состав музейных работников, были мобилизованы на решение продовольственной проблемы. Как раз на этом поприще поощрялись практические научные исследования: в области увеличения плодородия земель, повышения морозоустойчивости сельскохозяйственных культур, развития животноводства, создания питомников и т.д.

А теперь вернемся к музеям на фронтовой территории и территории, оккупированной немцами. По многочисленным исследованиям знакомы случаи как успешного сохранения музейных ценностей в тайниках на оккупированной территории вплоть до возвращения советской власти, так и нахождение этих тайников немцами – случайное, в результате предательства или целенаправленных поисков.

Хорошо известно, что гитлеровцы имели свою программу вывоза ценностей из оккупированных стран, особенно не повезло экспонатам из драгоценных металлов, памятникам нумизматики и предметам искусства. По существующему мнению, из пропавшего в годы войны в Советский Союз вернулось не более 5%. Но справедливости ради скажем, что нет точных данных, что из утраченного было на самом деле вывезено и до сих пор где-то хранится, что давным-давно, ещё в годы войны, было уничтожено в ходе боевых действий, при отступлении, чтобы не досталось врагу, либо при наступлении и захвате чужой территории. Одна история Янтарной комнаты чего стоит, превратившись в клубок запутанных расследований, многолетние поиски, множество публикаций. Одна из последних версий – она находится в ящике, спрятанном в затопленных ходах под разрушенным замком в Калининграде⁶.

Но, оказывается, не везде музеи немцами закрывались, а ценности вывозились сразу. Все музеи, оказавшиеся на оккупированной нацистами территории нашей страны, находились в ведении Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга. Изначально позиция нацистов в отношении восточных территорий состояла в том, что вывозить оттуда культурные ценности нежелательно, разве что в порядке исключения и лишь на время, до окончания войны, чтобы спасти их от повреждения или уничтожения. Руководство III Рейха планировало, что сокровища российских музеев украсят жизнь граждан восточных округов «Великой Германии». Каждая немецкая оккупационная служба пыталась внести свой вклад в «спасение» культурных ценностей на оккупированной территории России.

Ведомство Розенберга, считая себя монополистом в деле разграбления памятников культуры на Востоке, постоянно конфликтовало со своими конкурентами.⁷

На деле это означало практическую деятельность музеев, например, в Новгороде и Пскове в течение оккупации, даже ежедневно осуществлялся допуск посетителей на два часа. Огромную роль в деятельности этих музеев сыграл российский историк и археолог Василий Сергеевич Пономарев, однокурсник академика Рыбакова. Причины службы Пономарева немцам и его дальнейшая судьба – это предмет отдельного разговора.

Однако война означала для музеев не только материальные издержки. Любая война – это и накопление экспонатов. Задача сохранить память о Великой Отечественной войне была поставлена перед музеями ещё в ходе войны, и количество экспонатов в некоторых музеях уже за годы войны выросло в несколько раз. За прошедшие же после войны 70 лет появилось много музеев разного уровня, полностью посвященных Великой Отечественной войне либо её отдельным событиям и персоналиям.

Не надо забывать и о значении репараций для музеев СССР и России. В последнее время поднимать эту тему не очень принято, точной информации в открытых источниках не найдешь, однако на территорию СССР в качестве репарации было вывезено приличное количество экспонатов и даже целых коллекций из государственных, муниципальных и частных музеев с территории Германии и её союзников. Кроме того, были и нелегальные вывозы. В 1990-ые годы проходила информация о том, что на территории Украины после смерти коллекционера было выявлено очень ценное собрание антикварных предметов и выяснилось, что оно составлено во многом благодаря кражам одним из предков этого коллекционера под видом репарации с немецкой территории в период оккупации её советскими войсками.

То есть проблема оценки влияния войн на музеи весьма неоднозначна, так же как требует дополнительного внимания исследователей и комплексное изучение деятельности музеев в военные годы в целом, систематизация этой деятельности в пределах страны, а не отдельного музея или региона.

¹ Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII – XX вв.). М., 1991. Ч. 1.

² Таких работ много. Из последних: Петренко Е.В. Деятельность Охотско-Колымского краеведческого музея в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» – 2015. [Электронный ресурс: <http://www.scienceforum.ru/2015/1011/10752>] (дата обращения: 24.03.2015).

³ См. например: Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012. С. 392–417.

⁴ Закс А.Б. Эта долгая, долгая, долгая жизнь: Воспоминания (1905–1963): в 2 кн./ отв. ред. А.И. Шкурко. М.: ГИМ, 2000.

⁵ Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2012. С. 393.

⁶ См.: http://oursociety.ru/news/v_kaliningrade_vozmozhno_nashli_tajnik_s_jantarnoj_komnatoj/2014-11-06-336

⁷ Ковалёв Б. Золотой гроб Рюрика в волховских джунглях. Новгород под гитлеровской оккупацией. // [Электронный ресурс: <http://vorchunn.livejournal.com/680849.html>] (дата обращения: 24.03.2015).